

ИМАГОЛОГИЯ

УДК 82.091

DOI: 10.17223/24099554/15/6

В.П. Трыков

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В МЕМУАРАХ ДАНЖО И СЕН-СИМОНА

В статье впервые в сопоставительном ключе проанализирован образ Петра I в мемуарах двух французских писателей-современников Филиппа де Данжо (1638–1720) и Сен-Симона (1675–1755). Показана как преемственность Сен-Симона по отношению к мемуарам Данжо, так и способы и приемы их оригинальной литературной обработки. Сделан вывод о том, что для Данжо Петр I остается «курьезом», а для Сен-Симона становится образцом просвещенного монарха, царствующего аскета, стремящегося к знанию и преобразованию своей державы.

Ключевые слова: Петр I, мемуары, психологический портрет, «петровский миф».

К началу XVIII в. Петр I воспринимался на Западе как «карнавальный персонаж» [1. Р. 15]. Иностранцев удивляли манеры русского царя, его костюм, многочисленная свита и даже внешность. Один из первых портретов молодого Петра содержится в записках Фуа де ла Невилля «Любопытные и новые известия о Московии» (1698): Петр «очень красив и строен собою, и острога ума его дает большие надежды на славное царствование, если только будут руководить им умные советники» [2. С. 437]. Вместе с тем у Петра блуждающий взгляд, его развлечения жестоки. «Кто бы мог разглядеть в этом портрете одного из героев века?» – задавался риторическим вопросом французский исследователь Альбер Лортолари [1. Р. 15].

На рубеже XVII–XVIII вв. о Петре I и России писал еще один французский литератор, маркиз де Данжо (1638–1720), придворный Людовика, государственный советник, член Французской академии, бывший с 1680 г. воспитателем Дофина. На протяжении многих лет

Данжо вел дневник, который лег в основу его «Мемуаров». Маркиз, в России никогда не бывавший, поведал немного. Кое-что было основано на его личных впечатлениях придворного: так, например, Данжо составил лестное представление о могуществе Московии, видя, с каким почетом Людовик XIV принимал послов Великого Князя Московского, сделав им богатые подарки. Он имел возможность наблюдать некоторых москвитов в Версале и был восхищен их умелой игрой в шахматы. Однако большая часть сведений, которые сообщает Данжо, получена из дипломатических источников или является пересказом слухов, распространявшихся при дворе. В нескольких строчках упоминается о драматических событиях дворцового заговора и бунта стрельцов: «Королю докладывали сегодня новости о том, что произошло в Московии. Князь Голицын и принцесса Софья составили заговор против царевичей. Заговор был раскрыт. Князь Галицын был сослан в Сибирь, по дороге куда был убит. Принцесса Софья была заточена в монастырь. Было казнено много бояр, более 600 человек, участвовавших в заговоре» [З. Vol. 2. P. 128].

Самые обычные детали протокола в глазах придворного маркиза приобретают сугубый интерес и особую значимость. Вот как он сообщает о визите Петра I в Германию: «Мадам¹ получила точные сведения из Германии, что царь Московии прибыл ко двору курфюрста Бранденбургского в сопровождении своего посла господина Лефорта и еще 600 человек. Это известие, каким бы смешным оно ни казалось, не становится оттого менее правдивым» [З. Vol. 6. P. 138]. Что так рассмешило маркиза? Очевидно, огромная свита русского царя, численность которой нарушала нормы дипломатического этикета. Для Данжо российский царь – не более, чем курьез, достойный разве что беглого упоминания в рамках придворной и дипломатической хроники.

В 1717 г. Данжо получил возможность наблюдать Петра I во время его визита во Францию, однако это ничего не изменило в его нарративе. Он, как и прежде, коротко, сухо и скрупулезно, буквально по дням фиксирует события, связанные с пребыванием российского императора в стране. И в этой части «Мемуаров» Данжо Петру I по-

¹ Так называли при дворе морганатическую жену Людовика XIV маркизу де Ментенон, тайный брак с которой был заключен в 1684 г.

священны немногочисленные и отрывочные записи, в которых информация о визите русского царя перемежается сообщениями о событиях придворной жизни и растворяется в них. Читатель узнает, что во время охоты на оленя Петр I упал с лошади, что царю очень понравился Версаль и он пожелал переночевать в Трианоне, куда для него специально была принесена кровать. Подробно сообщается о том, кому Петр I нанес визиты, какими подарками обменялись французский король и российский император и т.д. и т.п. К этому добавлено несколько фактов, характеризующих свиту царя не с лучшей стороны: сопровождающие Петра I развлекались с девицами в версальском дворце, во время возвращения царя из Пти-Бура в Париж на судне его свитой было выпито много вина.

Сен-Симон так отзывался о «Мемуарах» Данжо: «Трудно понять, как могло хватить у человека терпения и настойчивости, чтобы работать ежедневно в продолжение пятидесяти лет над таким сочинением, тощим, сухим, натянутым, полным всяких предосторожностей и формализма, давать только отталкивающую бесплодную шелуху. Надо, впрочем, сказать, что Данжо и не мог бы написать настоящих мемуаров, которые требуют, чтобы автор хорошо знал внутреннюю жизнь двора и ее движущие пружины. Хотя он почти не выходил оттуда, а если выходил, то на короткое время, хотя он получал там отличия и вращался в хороших кругах, хотя его там любили, даже уважали за честность и умение беречь секреты, – тем не менее верно то, что он никогда не знал ничего как следует, не был ни во что посвящен. Сама его жизнь, пустая и внешняя, была такою же, как его “Мемуары”. Он не знал ничего за пределами того, что было видно всем. Он довольствовался тем, что участвовал в пирах и празднествах и из тщеславия заботился это указать в “Мемуарах”; но он никогда не играл выдающейся личной роли» [4. Кн. 1. С. 19]. Как видим, характеристика не слишком лестная, но вполне справедливая, если не принимать во внимание той роли, которую сыграли «Мемуары» Данжо в написании «Мемуаров» Сен-Симона, однако об этом речь пойдет ниже. Пока же ограничимся констатацией, что оптика Данжо целиком определялась его положением и кругом интересов придворного. Он не сумел по достоинству оценить масштабов фигуры Петра I, его роли в истории России.

Эта заслуга будет принадлежать другому французскому писателю, современнику Данжо, автору знаменитых «Мемуаров» (1788–1789, полное издание в 21 т. 1829–1831 гг.), герцогу Сен-Симону (1675–1755). Он стоял у истоков формирования «русского миража», идеализированного представления о России и ее правителях. Сен-Симон был знаком с «Мемуарами» маркиза де Данжо, рукопись которых в конце 1720-х гг. ему передал родственник Данжо герцог де Люин. Как уже отмечалось выше, Сен-Симон оценил труд Данжо весьма критически, упрекая его автора в поверхностности. Однако фактографическую ценность дневников Сен-Симон не мог не признать. Он сначала пишет свои замечания и добавления к дневнику Данжо, а затем принимается за работу над собственными «Мемуарами», которая продлится двадцать лет. В центре внимания Сен-Симона, как и его предшественника, эпоха Людовика XIV и фигура «короля-солнца». Сен-Симон также показывает себя опытным придворным, знатоком этикета, фиксирующим малейшие его нарушения. Однако если в «Мемуарах» Данжо России и Петру I посвящены немногочисленные и отрывочные записи, в которых информация о визите русского царя тонет в рассказе о событиях придворной жизни, то Сен-Симон в своих воспоминаниях посвящает пребыванию Петра I во Франции в 1717 г. отдельную главу «Приезд царя во Францию». В ней Сен-Симон, как и Данжо в своих «Мемуарах», дает подневный отчет о пребывании Петра I во Франции. Как и Данжо, его интересуют малейшие детали церемониала: он отмечает, кто присутствовал при тех или иных встречах, кто был представлен царю, а кому было отказано в подобной чести, сколько продлился тот или иной визит, какие знаки внимания были оказаны сторонами друг другу, какими подарками они обменялись и т.д. Значительную часть информации Сен-Симон черпал из «Мемуаров» Данжо, иногда чуть не дословно повторяя не только отдельные факты, но и некоторые пассажи из его рукописи. Сен-Симон заимствует у Данжо многие факты и эпизоды (например, о том, что Петр предпочел особняк Лесдигьер покоям королевы-матери в Лувре, которые показались ему чересчур роскошными, или эпизод, когда Петр во время посещения оперы с регентом Франции неожиданно попросил пива).

Однако, в отличие от своего предшественника, Сен-Симон выступает не простым хроникером, более-менее точно фиксирующим

события, но историком, мыслителем и моралистом. Сен-Симон, в отличие от Данжо, сумел понять масштаб фигуры Петра I, его реформ и его место в современной ему европейской политике. «Петр I, царь Московии, совершенно заслуженно стал настолько знаменит и у себя, и по всей Европе и Азии, что я не решусь сказать, будто знаю другого столь же великого и прославленного монарха, равного героям древности, который вызывал бы такое восхищение в свое время и будет вызывать в грядущие века» [4. Кн. 2. С. 349]. «Сей монарх, желавший вывести и себя и свою страну из варварства и расширить ее пределы с помощью завоеваний и договоров, понимал, насколько необходимо родниться посредством браков с наиболее могущественными государями Европы» [4. Кн. 2. С. 351].

В «Дневниках» Сен-Симона содержится пассаж, которого нет в рукописи Данжо, о том, как Петр хотел принять католичество в России, чтобы сблизиться с европейскими монархами, о миссии Куракина в Рим с целью разведать, «каковы притязания Рима», и последующий отказ Петра от своего замысла, когда он понял, что принятие католичества ограничит его власть. Сен-Симон, в отличие от Данжо, видит в Петре дальновидного политика, проницательного государственного деятеля, способного оценить последствия принимаемых решений, но также и реформатора, готового учиться и перенимать у Европы все лучшее, чем она обладает. Сен-Симон упоминает о многочисленных путешествиях Петра в западноевропейские страны с образовательной целью, о чем не счел нужным сообщить Данжо. Вообще, у Сен-Симона любознательность, стремление к просвещению – чуть ли не главная характеристика Петра I. Так, в рукописи мемуаров Данжо Сен-Симон делает следующее обширное добавление о Петре I, которое впоследствии с незначительными корректировками войдет в окончательный текст «Мемуаров» Сен-Симона: «Этот знаменитый царь наделал столько шума в свете, что было бы бесполезно распространяться о нем. Ограничимся лишь тем, что скажем о том восхищении, которое он вызвал своей чрезвычайной любознательностью, которая распространялась на все и ничем не пренебрегала, даже самыми ничтожными подробностями, если они могли оказаться впоследствии полезными и значительными; он был сведущ во всем, он высоко оценивал только то, что того заслуживало, обнаруживая при этом блистательный ум, верность суж-

дений и тонкость восприятия, широту кругозора, образованность и некую постоянную значительность» [3. Т. 17. Р. 80–81].

Сен-Симон не только воспроизводит то, что нашел в мемуарах Данжо. Кое-что Сен-Симон мог увидеть сам во время визита Петра I к генералу д'Антену, куда был приглашен и Сен-Симон, который попросил генерала не представлять его гостю, чтобы иметь возможность «плялиться на него, сколько душе угодно» [4. Кн. 2. С. 368]. Здесь Сен-Симону предоставлялась возможность проявить свою проницательность и тонкость психологического анализа. Сен-Симон – мастер психологического портрета, развернутых нравственных характеристик. Это то, что он прежде всего добавил к мемуарам Данжо². Сен-Симон дает развернутый портрет Петра I, основанный на личных впечатлениях. Заметим, что в мемуарах Данжо такого портрета царя нет. «Царь Петр был высок ростом, очень хорошо сложен, не тучен телом, с лицом округлой формы, высоким лбом и красивыми бровями; нос у него был довольно короткий и не массивный, чуть расширенный на конце, довольно полные губы, красноватое смуглое лицо, большие, красивые, живые и проницательные черные глаза, взгляд величественный и благосклонный, когда он следил за собой, но иногда суровый и бешеный; он страдал судорогами, которые случались у него не часто, но так искажали лицо и глаза, что внушали ужас. Продолжались они всего мгновение, взгляд становился блуждающим и страшным, но тотчас же прекращались. Весь его вид свидетельствовал об уме, рассудительности и величии и не чужд был известной приятности. Он носил полотняный воротник, круглый, темный, похоже, не напудренный парик, не доходивший до плеч, коричневый полукафтан с золотыми пуговицами, башмаки, чулки, звезду и ленту ордена своего государства; перчаток и манжет он никогда не носил; полукафтан у него нередко полностью был расстегнут, шляпа вечно валялась на столе: он ее никогда не надевал, даже на улице. Но и при всей этой простоте, при том, что он иной раз ехал в первом попавшемся экипаже, сопровождаемый теми, кто подвернулся, все сразу

² Эти добавления были им первоначально сделаны при чтении рукописи дневников Данжо и воспроизведены в вышеуказанном девятнадцатитомном их издании [3].

понимали, кто он такой, по присущему ему от природы величественному виду» [4. Кн. 2. С. 358–359].

Если у Данжо нарушения этикета вызывают снисходительную насмешку, то Сен-Симон, напротив, с интересом и некоторым удовлетворением подчеркивает эту небрежность в костюме и манерах русского царя (не напудренный парик, отсутствие перчаток и манжет, небрежно расстегнутый полукафтан, ненужная шляпа). И здесь взгляд Сен-Симона оказывается шире и пронизательнее, чем у его предшественника. В этой небрежности Сен-Симон видит богатство натуры русского царя, харизматичность его личности. Если что-то и насторожило Сен-Симона во внешности царя, так это контраст между ее благообразием в обычном состоянии государя и уродством во время судорог. Для Сен-Симона-психолога этот контраст становится внешним проявлением какого-то внутреннего изъяна в личности Петра, не названного, не получившего определения или характеристики иррационального начала, вдруг на какое-то время возобладавшего над его обычной рассудительностью и умом, столь высоко ценимыми Сен-Симоном, как и всем XVII столетием.

Заметим, что все то негативное, что рассказывает Сен-Симон о царе и его окружении, основано, как правило, на косвенных источниках и является не результатом его непосредственных наблюдений, но воспроизведением общего мнения. Таков рассказ о непотребном поведении свиты Петра в Версале, вызвавшем осуждение его жителей. Этот пассаж содержится в «Мемуарах» Данжо, как и рассказ о странном, не соответствующем нормам придворного этикета поведении царя во время его визита к госпоже Ментенон. Правда, у Данжо это краткое сообщение: «Царь поехал в Сен-Сир; он осмотрел здание и вошел в комнату мадам де Ментенон, которая находилась в постели. Он раздвинул шторы на окнах, чтобы ее увидеть» [3. Vol. 17. P. 354]. Сен-Симон превращает эту сухую информацию в сценку, полную драматизма. Он сообщает, что царь, прибыв из Версаля в Сен-Сир «захотел повидать и г-жу де Ментенон, которая, узнав о таком проявлении его любопытства, улеглась в постель и задернула все шторы, кроме одной, оставленной наполовину приоткрытой. Царь вошел к ней в спальню, первым делом открыл все шторы на окнах, потом отдернул полог кровати и стал разглядывать г-жу де Ментенон, не говоря ей ни слова, равно как и она ему, после

чего удалился, даже не подумав поклониться. Мне известно, что она была этим крайне поражена, а еще более оскорблена, но покойного короля уже не было на свете» [4. Кн. 2. С. 367–368]. У Сен-Симона сценка обрастает новыми подробностями, которых не было в мемуарах Данжо. Госпожа де Ментенон, узнав о предстоящем визите царственной особы, выстраивает мизансцену: укладывается в постель, зашторивает окна спальни. Сен-Симон акцентирует бесцеремонность поведения царя, которой не было в описании Данжо. Петр I не только открыл шторы, но и отдернул полог кровати, стал молча разглядывать госпожу де Ментенон и ушел, не поклонившись. К этой картине Сен-Симон добавляет описание реакции на визит госпожи де Ментенон, которая была поражена и оскорблена поведением русского «варвара». Весь эпизод у Сен-Симона предстает как психологический поединок двух сильных личностей, имеющих разный статус. Утратившая свое бывшее влияние и беззащитная после смерти Людовика XIV, его морганатическая супруга вынуждена сносить бесцеремонность пребывающего на вершине своего могущества российского монарха и пытается отстоять свое достоинство.

Другой эпизод, который Сен-Симон добавил в своих «Мемуарах» к запискам Данжо и который стал своеобразной параллелью и одновременно антитезой к анекдоту о визите Петра I к госпоже де Ментенон, – это рассказ о визите госпожи де Матиньон к царю. Ситуация повторяется. Только теперь Петр I становится объектом праздного любопытства светской дамы. Однако если у госпожи де Ментенон нет возможности уклониться от визита царя, то Петр I находит возможность избежать назойливой визитерки: в карете госпожи де Матиньон он уезжает в Булонь. «Мадам де Матиньон с изумлением обнаружила, что осталась пешей», – заключает Сен-Симон [4. Кн. 2. С. 358]. В обоих случаях симпатия Сен-Симона на стороне «жертвы» праздного любопытства независимо от ее социального статуса. В первом случае это отношение выражено фразой, окрашенной в элегические тона: «Но покойного короля уже не было на свете», т.е. госпожа де Матиньон лишилась могущественного защитника, способного отстоять ее достоинство и заставить даже царственную особу соблюдать нормы этикета и выказать должное уважение к супруге короля; во втором – ироническим подтекстом всей ситуации и заключительной фразы. Госпожа де Матиньон не только не смогла ли-

цезреть российского монарха, но и лишилась своей кареты. Для Сен-Симона неучтивость неприемлема независимо от того, по отношению к кому она проявляется.

Положительные характеристики Петра I, как правило, становятся результатом личных наблюдений автора. «Я нашел, что царь весьма живописен, но всюду и всегда держится словно хозяин» [4. Кн. 2. С. 368]. В финальной характеристике Петра I, резюмирующей все сказанное о русском царе, Сен-Симон пытается соблюсти баланс между личными впечатлениями и общественным мнением, сложившимся во Франции: «Всеобъемлющий и поистине великий царь; своеобычность и разнородность присущих ему талантов и благородных помыслов делают его государем, достойным высочайшего восхищения даже самых отдаленных потомков, невзирая на многие пороки, причиной которых являются варварское его происхождение, варварство его родины и полученного воспитания. Таково единодушное мнение, сложившееся о нем во Франции, которая взирала на него, как на чудо, и была очарована им» [4. Кн. 2. С. 371]. Сен-Симон в финале возвращается к мысли о величии Петра, государя и реформатора. Однако с высокой оценкой личности Петра I соседствуют клише о «варварстве» России. Для Сен-Симона, в отличие от Данжо, Петр не курьезный персонаж, но прежде всего великий государственный деятель и монарх, стремящийся к знанию и просвещению. Не случайно в уста Петра I Сен-Симон вкладывает мысль, близкую автору-моралисту, видевшему и осуждавшему падение нравов при французском дворе. Дважды с промежутком в одну страницу Сен-Симон повторяет, что царя поразила роскошь, которую он видел, и что он с горечью предвидел, что роскошь погубит Францию [4. Кн. 2. С. 371, 372].

Широта и пронизательность взгляда Сен-Симона проявились не только в его общей критической оценке морального состояния французского общества периода Регентства, нравственному разложению которого, стремлению к наслаждениям, роскоши он противопоставил образ сурового русского монарха, стремящегося к знанию, равнодушного к наслаждениям, отказавшегося разместиться в покоях королевы-матери в Лувре, сочтя их чрезмерно роскошными.

Сен-Симон сумел по достоинству оценить и возросшее влияние петровской России, и преимущества для Франции союза с ней. «Не-

возможно отрицать, что он (Петр I. – *В.Т.*) играл огромную роль и в Азии, и в Европе, так что Франция весьма выиграла бы от тесного союза с ним» [4. Кн. 2. С. 372–373]. Сен-Симон, знаток не только придворного этикета и церемониала, но и политических раскладов при французском дворе, внутренних механизмов внешней политики Франции, с сожалением констатирует, что интриги отдельных влиятельных лиц, лоббирующих английские интересы, не позволили Франции установить более тесные отношения с Россией, сторонником которых он был. Сен-Симон завершает главу о пребывании Петра I во Франции неутешительной констатацией: «Потом пришлось долго раскаиваться, что мы поддались гибельным чарам Англии и так по-дурацки презрели Россию» [4. Кн. 2. С. 374].

Таким образом, отталкиваясь от мемуаров Данжо, используя их как «сырой материал», Сен-Симон создал свою оригинальную версию образа Петра Великого, став одним из первых создателей «петровского мифа» во Франции.

Литература

1. *Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIII siècle.* Paris : Ed. Contemporaines, 1951. 408 p.
2. *Невилль де ла.* Записки де ла Невилля о Московии. 1689 г. / пер. с фр. и предисл. А.И. Браудо // *Русская старина.* 1891. Т. 71, № 9. С. 437–493.
3. *Journal du marquis de Dangeau : en 19 vol.* Paris : Firmin Didot frères, 1854–1860.
4. *Сен-Симон.* Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве : в 2 кн. М. : Прогресс, 1991. 1118 с.

Peter the Great in the Memoirs of Marquis de Dangeau and Duc de Saint-Simon *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*, 2021, 15, pp. 105–115. DOI: 10.17223/24099554/15/6

Valery P. Trykov, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.trykoff@yandex.ru

Keywords: Peter the Great, memoirs, psychological portrait, “Peter’s myth”.

The article for the first time compares the image of Peter the Great in the memoirs of two contemporary French writers Philippe de Courcillon, Marquis de Dangeau (1638–1720), and Louis de Rouvroy, duc de Saint-Simon (1675–1755). Both Saint-Simon’s continuity in relation to Dangeau’s memoirs and the methods and techniques

of their original literary processing are shown. The influence of the writers' world outlooks and their political views on their interpretations of the figure of Peter the Great is revealed. For Dangeau, Peter the Great was a "curious case", while for Saint-Simon he was the model of an enlightened monarch, a reigning ascetic striving for knowledge and transformation of his state. In this capacity, Peter the Great is opposed to the depraved and pleasure-seeking French court of the era of the Regency. It has been proved that Saint-Simon stood at the origins of "Peter's myth" in France. The differences in the poetics of the memoirs of Dangeau and Saint-Simon have been revealed. Dangeau's laconic and fact-based style emphasizes the mastery of the psychological portrait and the breadth of generalizations of the moralist and thinker Saint-Simon.

References

1. Lortholary, A. (1951) *Le mirage russe en France au XVIII siècle*. Paris: Ed. Contemporaines.
2. Neville, de la. (1891) *Zapiski de la Nevillya o Moskovii*. 1689 g. [Notes of de la Neuville about Muscovy. 1689]. Translated from French by A.I. Braudo. *Russkaya starina*. 71 (9). pp. 437–493.
3. Marquis de Dangeau. (1854) *Journal du marquis de Dangeau: En 19 vol*. Paris: Firmin Didot frères.
4. Duc de Saint-Simon. (1991) *Memuary: Polnye i dopodlinnye vospominaniya gertsoga de Sen-Simona o veke Lyudovika XIV i Regentstve: V 2 kn*. [Memoirs: Complete and authentic memoirs of the Duke of Saint-Simon about the era of Louis XIV and the Regency. In 2 vols]. Moscow: Progress.